

А.И.Миллер

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ КУЛЬТУРУ ПАМЯТИ

Ключевые слова: политика памяти, национальные исторические нарративы, коллективная память, Холокост, геноцид

Ялтинско-потсдамский мировой порядок остался в прошлом. На наших глазах происходят труднопредсказуемые, не до конца понятные, но, очевидно, фундаментальные изменения мироустройства. Политическим изменениям сопутствуют не меньшие по масштабу изменения в коллективной памяти. Если после войны подавляющая часть французов и немцев считала, что главную роль в сокрушении нацистов сыграла Красная армия, то сегодня большинство в этих странах убеждено, что основной вклад в разгром Гитлера внесли США¹. Самый помпезный парад в честь победы во Второй мировой войне в 2015 г. состоялся не в Москве, а в Пекине. Конфликты в сфере интерпретации прошлого на мировой арене приобрели настолько острый характер, что в обиход вошло понятие «войны памяти».

¹ <http://politikus.ru/articles/22418-kto-pobedil-fashizm.html>.

В течение послевоенных десятилетий одним из фундаментальных факторов в области политики памяти была изолированность процессов в некоммунистической «Западной» и коммунистической «Восточной» Европе. В 1960—1990-е годы в западноевропейских странах постепенно сложился определенный консенсус по поводу прошлого, стержнем которого было признание за Холокостом статуса центрального — и уникального — события XX в. Этот консенсус подчеркивал общую ответственность европейцев за мрачные страницы прошлого. Путь к нему был долгим и трудным. Когда в 1970 г. канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колени перед памятником героям Варшавского гетто, многие в Западной Германии осудили этот поступок. В Австрии в 1980-е годы острую конфронтацию вызвало дело Курта Вальдхайма, обозначившее переход от описания страны исключительно как первой жертвы гитлеровской агрессии к обсуждению вопроса об ответственности австрийцев за преступления нацизма. Франция пережила свой «момент истины» в 1995 г., когда президент Жак Ширак в речи на стадионе «Велодром» признал ответственность французов за депортацию евреев в лагеря смерти в годы Холокоста («Велодром» — знаковое место, центральный пересылочный пункт этого гибельного маршрута). Своеобразным апофеозом данной тенденции было открытие в 2005 г. в самом центре Берлина, у Бранден-

бургских ворот, гигантского мемориала уничтоженным евреям Европы, построенного по проекту Питера Айзенмана.

Конечно, в коллективной памяти западноевропейских народов существенное место занимали и мотивы собственных страданий. Признание ответственности за темные страницы прошлого было избирательным. Так, по вопросу о роли европейцев в колониализме и работорговле мы не найдем того единодушия в покаянии, которое было достигнуто в отношении Холокоста.

И все же консенсус по поводу Холокоста сам по себе имел огромное значение. Он исключал построение в этой части Европы национальных исторических нарративов, главной жертвой в которых выступала бы титульная нация. Невозможно было требовать для себя преференций, ссылаясь на прошлые страдания. В центре оказывался вопрос о собственной ответственности — и тех мерах, которые следует предпринять, чтобы не допустить повторения преступлений, подобных Холокосту.

Отчасти «старые» страны ЕС смогли достичь этого консенсуса потому, что последние десятилетия XX в. были для них весьма успешными в экономическом и политическом плане. В условиях, когда будущее казалось безоблачным, а глобальная лидерская роль Евросоюза — неоспоримой, европейцам было легче признать необходимость покаяния за прошлые грехи.

После крушения социализма страны Восточной Европы получили возможность по собственному усмотрению конструировать свои национальные нарративы. Единственным исключением являлась ГДР, которой в ходе поглощения Западной Германией пришлось принять нарратив, сформированный в ФРГ. Прежние преподаватели истории были практически поголовно уволены, а концепция, возлагавшая вину за преступления нацистов на капитализм и объявлявшая коммунистов главными жертвами нацистского режима, сдана в архив.

Но важно помнить, что евреи Восточной Европы в большинстве своем погибли не от «Циклона Б» на фабриках смерти, спрятанных в лагерях. Они были расстреляны у рвов и оврагов, забиты до смерти на улицах городов и местечек, сожжены заживо. Все это происходило при активном участии части местного населения, иногда даже в отсутствие немцев.

Однако подобные факты не занимают центрального места в тех новых исторических нарративах, которые были созданы в посткоммунистических странах. Роль главной жертвы зарезервирована в них именно для титульной нации, и основной упор делается на ее страданиях от коммунистического угнетения, причем коммунизм представлен как сугубо внешнее, московское зло. По выражению Евгения Финкеля, бывшие коммунистические страны включились в «поиски потерянного геноцида»². Так, входя в «Музей геноцида» в Вильнюсе, не следует ожидать, что там пойдет речь о Холокосте (а о Холокосте в Литве есть что рассказать). Музей повествует о геноциде литовцев в годы советской оккупации. В основном по аналогичной схеме построены и музеи

² Финкель 2012.

оккупации в других прибалтийских столицах, которые тоже настаивают на том, что жертвами геноцида были титульные народы (эстонцы и латыши). В музее «Тюрма на Лонцкого» во Львове вы не найдете ни единого упоминания о том, что именно здесь начался тот колоссальный погром, который в июле 1941 г. унес тысячи жизней местных евреев. В музее «Дом террора» в Будапеште самый большой зал посвящен ГУЛАГу, а Холокост — совершенно маргинален³.

³ *Маргинализация памяти о Холокосте происходит и на местном уровне. Так, памятник, установленный в Едвабне на месте гибели сотен евреев, убитых соседями-поляками, даже не упоминается на веб-сайте городка, хотя события в Едвабне были предметом широкой общественной дискуссии.*

Помимо музеев, страны Восточной Европы создали целый ряд других структур, существенно отличающихся от западноевропейских. Весьма показателен в этом отношении польский Институт национальной памяти (ИНП), образованный в 1998 г. на базе Комиссии по расследованию преступлений против польского народа, само название которой однозначно указывает на главный фокус данного учреждения. Принято считать, что образцом для него послужила комиссия Йоахима Гаука в Германии, в задачи которой входило обеспечение сохранности архивов служб безопасности ГДР и организация доступа к ним исследователей и обычных граждан. Однако на практике сходство с комиссией Гаука оказалось весьма отдаленным. Помимо опеки над архивами спецслужб, ИНП занимается расследованием преступлений коммунистического периода (поэтому в его штате числятся 26 прокуроров), а также (с 2006 г.) люстрацией. Историки из исследовательских подразделений Института имеют статус государственных служащих и получают существенно более высокую зарплату, нежели сотрудники Академии наук и университетов. ИНП является сегодня ключевым игроком на рынке специальной и популярной печатной продукции по истории, опубликовав более 600 томов материалов и издавая под своей эгидой три журнала. Это во многом объясняет, почему «посторонним» исследователям так трудно добиться доступа к архивам, находящимся в ведении Института. Работники ИНП просто видят в них нежелательных конкурентов.

⁴ *<http://prawo.pl/z-kraju/11096-senator-jan-zaryn-przeprowadzimy-ofensywe-historyczna>.*

⁵ *Подробнее см. статьи Роберта Трабы и Дариуша Столы в Миллер, Липман (ред.) 2012.*

⁶ *Оговорюсь, что в 1990-е годы некоторые исследователи использовали понятие «историческая политика» как ценностно нейтральную аналитическую категорию.*

После победы на выборах 2015 г. партии «Право и справедливость», получившей безраздельный контроль над парламентом и правительством, ИНП имеет все шансы реализовать свой оруэлловский потенциал. «Наша жертвенная нация представляется [противниками] как нация преступников, и нам нужно наступление в сфере исторической политики, чтобы отбить эти злые нападки», — рассуждает в своем интервью историк Ян Жарынь, только что избранный сенатором Польши⁴. Его точку зрения разделяет историк Анджей Новак, недавно назначенный советником президента по исторической политике.

Термин «историческая политика» утвердился в польском дискурсе в 2004 г., когда несколько интеллектуалов выступили с призывом выработать и энергично проводить патриотическую «историческую политику»⁵. Будучи заимствован из немецкого языка, этот термин не просто утратил то негативное значение, которое вкладывалось в него в Германии с 1980-х годов⁶, но и стал знаменем агрессивного инструментального подхода к прошлому. В Польше, как и во многих других посткоммунистических странах, прошлое превратилось в первую

очередь в оружие борьбы на внутри- и внешнеполитическом фронте. И теперь понятие «историческая политика» употребляется в Восточной Европе преимущественно в «польском» варианте.

Украинский институт национальной памяти (УИНП), учрежденный в 2006 г., был призван, согласно постановлению Кабинета министров от 31 мая 2006 г., вносить предложения по «восстановлению объективной и справедливой истории украинского народа» и «пропаганде давности происхождения украинской нации и ее языка», а также определять «направления и методы восстановления исторической правды и справедливости в изучении истории Украины»⁷. Вполне логично, что ведущую роль в Институте с момента его основания играет Владимир Вятрович, получивший известность в том же 2006 г. публикацией книги, в которой утверждалось, что УПА во время войны спасала евреев от нацистов⁸. Не менее скандальный характер носила и другая его книга, где доказывалось, что резня польского населения Волыни отрядами УПА была частью «второй польско-украинской войны 1942—1947 гг.», в которой украинцы являлись скорее жертвами, нежели преступниками⁹.

В 2014 г. Вятрович, назначенный директором УИНП, разработал четыре новых закона, которые должны регулировать политику памяти на Украине. В апреле 2015 г. эти законы в спешном порядке были приняты Верховной радой¹⁰.

В 2008 г. историки Западной Европы, а также некоторые их коллеги из посткоммунистических стран выступили с воззванием, в котором говорилось:

«История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания. Мы обращаемся к историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближайшее время подписать в личном качестве наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины.

Мы призываем политических деятелей отдать себе отчет в том, что, обладая властью воздействовать на коллективную память народа, вы тем не менее не имеете права устанавливать законом некую государственную правду в отношении прошлого, юридическое навязывание которой может повлечь за собой тяжелые последствия — как для работы профессиональных историков, так и для интеллектуальной свободы в целом. В демократическом обществе свобода историка — это наша общая свобода»¹¹.

Это воззвание, известное как «Воззвание из Блуа» (Appel de Blois), было написано в ответ на обозначившуюся склонность западноевропейских парламентов законодательно определять интерпретации исторических событий. Начало подобной практике положил закон Гайсо

⁷ <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/927-2006-p>.

⁸ См. Вятрович 2006.

⁹ См. Вятрович 2011.

¹⁰ Подробно о законах 2015 г. см. Німка 2015.

¹¹ http://www.lph-asso.fr/index.php?Itemid=14&id=47&lang=fr&option=com_content&view=article.

(Loi Gayssot), принятый во Франции в 1990 г., который предусматривал уголовную ответственность за отрицание преступлений против человечности, вмененных в вину осужденным в ходе Нюрнбергского процесса нацистам, и прежде всего Холокоста. С того момента, как в Западной Европе опасность такого рода законов была осознана (о чем свидетельствовало, в частности, «Воззвание из Блуа»), «законы о памяти» были приняты во *всех* восточноевропейских странах. И только в одной из них — Румынии — таким законом запрещалось прославление собственных (румынских) преступников периода Второй мировой войны. При этом для оправдания многочисленных актов, криминализирующих не отрицание преступлений, совершенных представителями своей нации, а возражения против определенных интерпретаций страданий собственного народа, повсюду бесстыдно используется тот самый закон Гайсо.

Во многих посткоммунистических странах некоторые из борцов против коммунистического режима были вовлечены в Холокост и массовые убийства представителей других этнических групп. Однако это не мешает их восхвалению как новых национальных героев. Так, в частности, на Украине сооружены десятки памятников Степану Бандере. А в ноябре прошлого года в Умани — главном центре паломничества современных хасидов — с санкции муниципальных властей был торжественно открыт памятник лидерам казацкого восстания XVIII в. Ивану Гонте и Максиму Зализняку, прославившимся так называемой Уманской резней, во время которой погибли тысячи евреев.

На протяжении целого ряда лет Украина выступала ареной «войны памятников», в которую оказались вовлечены представители разных политических направлений. «Ленинопад» 2014 г. стал кульминацией этого процесса, ход и состав участников которого заслуживают отдельного обсуждения. Однако первый памятник Ленину был разрушен сторонниками партии «Свобода» в Киеве в декабре 2013 г. Они же, окрыленные успехом, 1 января 2014 г. прошли по улицам Киева с факельным шествием, в котором приняло участие более 10 тыс. человек. Эти события принципиально изменили символическую природу Майдана. С тех пор стало практически невозможно выступить перед собравшимися на площади без провозглашения лозунга, унаследованного от бандеровского движения: «Слава Украине! Героям слава!». И хотя некоторые участники Майдана пытались «перезагрузить» смысл этого лозунга, радикальный национализм неонацистского толка в тот момент однозначно выиграл борьбу за символическую природу движения.

Конфронтация вокруг памятников разворачивается и в других восточноевропейских странах. В 2012 г. в г. Бауска был открыт памятник латышским батальонам СС. В Эстонии памятник эстонскому солдату в эсэсовской каске устанавливался и удалялся трижды — в 2002, 2004 и 2005 гг. Последний раз власти убрали его ночью, резонно полагая, что их действия не встретят поддержки со стороны эстонских граждан. В качестве причины демонтажа памятника были выдвинуты соображения национальной безопасности (судя по всему, дело не обошлось

без настоятельных советов европейских структур). Вместе с тем те же эстонские власти в 2007 г. инициировали демонтаж и перенос из центра города памятника советским солдатам, погибшим при изгнании немцев из Таллина в 1944 г. Этот акт вызвал массовые протесты русскоязычного населения.

По всей Восточной Европе успешно осуществлен «экспорт вины», что разительно противоречит прежней европейской культуре памяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности. Даже в Венгрии, которая официально была союзницей нацистов, на монументе, установленном в 2014 г. на площади Свободы в Будапеште, страну символизирует фигура ангела, над которым вьется черный орел как символ хищной Германии.

В последние 25 лет мы можем наблюдать, как ранее изолированные культуры памяти Западной и Восточной Европы вступили во взаимодействие. Восточноевропейская политика памяти, сфокусированная на страданиях собственных народов, предъявила Западу претензии за предательство малых наций, «похищенных» коммунистической Москвой. Этот мотив был четко сформулирован еще в конце 1970-х годов в знаменитой статье Милана Кундеры «Похищенная Европа», которая познакомила американскую и западноевропейскую общественность с концепцией Центральной Европы¹².

¹² *Подробнее см. Миллер 2001.*

После обретения независимости от Москвы элиты восточноевропейских государств вполне рационально (в политическом смысле) стремились предотвратить возможность нового соглашения между ведущими государствами Запада и Россией, в котором могли пострадать их интересы. Для этого они старались повысить цену подобного шага для западноевропейских лидеров, выстраивая определенную политику памяти и заключая союзы по этому вопросу с различными политическими силами в ЕС. Такая стратегия, наиболее настойчиво проводившаяся балтийскими республиками¹³, получила поддержку со стороны заслуженных диссидентов-президентов Леха Валенсы и Вацлава Гавела, а также западноевропейских политиков и общественных деятелей из числа бывших маоистов и троцкистов, совершавших собственное движение вправо по политическому спектру, — от министров иностранных дел ведущих стран ЕС Йошки Фишера и Бернара Кушнера до интеллектуалов Даниэля Кон-Бендита и Андре Глюксманна.

¹³ *Астров 2012.*

Как уже упоминалось, культура памяти Западной Европы в 1990-е годы отражала уверенность «старых» стран ЕС в собственных успехах и росте влияния Евросоюза. При таком мироощущении было относительно просто сфокусироваться на осмыслении грехов своей нации. Изображение себя в качестве жертвы популярностью в этих обществах не пользовалось. По-иному складывалась ситуация на востоке Европы. Экзистенциальные страхи были присущи восточноевропейским элитам в течение всего XX в.¹⁴, и вступление в НАТО и ЕС мало что изменило в этом отношении. Напротив, в начале 2000-х годов в связи с расколом между Вашингтоном, с одной стороны, и Берлином

¹⁴ *Иштван Бибо блестяще описал этот феномен в своей работе 1946 г. «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств» (см. Бибо 2004).*

и Парижем, с другой, в ходе иракского кризиса новые члены Североатлантического альянса испытали обостренное чувство «онтологической озабоченности»¹⁵.

¹⁵ См. Астров 2012.

Ключевым элементом соответствующих нарративов стала Россия как источник угрозы. В европейской традиции данная тема имеет глубокие корни. Как показал Ивэр Нойманн, взгляд на Россию как на «варвара у ворот» доминировал в европейской мысли на протяжении последних трех веков, иногда уступая место восприятию России как «вечного подмастерья» (а чаще сочетаясь с ним). После распада СССР базовые компоненты этого дискурса мало изменились. «Нет смысла рассуждать о конце деления на Восток и Запад в европейской истории после окончания холодной войны. Вопрос не в том, будет ли Восток использоваться для формирования новых европейских идентичностей, а в том, как это будет делаться», — справедливо отметил Нойманн еще в 1999 г.¹⁶

¹⁶ См. Нойманн 2003.

В XXI столетии в результате взаимодействия западно- и восточноевропейской культур памяти произошла радикальная трансформация европейской политики памяти в целом. Сегодня можно утверждать, что восточноевропейская модель, сфокусированная на страданиях своей нации и мотиве экзистенциальной угрозы, одержала верх над западноевропейской, в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности. Отчасти это связано с тем, что элиты ведущих западноевропейских стран по разным причинам не считали нужным вступать в жесткую конфронтацию с новыми членами ЕС по вопросам политики памяти. Отчасти объяснение нужно искать в том, что в последние 10 лет уверенность в себе и в успешности ЕС как проекта интеграции оказалась поколеблена и в «старой Европе». В итоге при осмыслении в Западной Европе растущего напряжения в отношениях между Россией и ее соседями возобладали восточноевропейские механизмы коллективной памяти и конструирования идентичности.

Кульминация изменений в структуре подходов к прошлому в ЕС была достигнута в 2009 г. В апреле этого года решением Европейского парламента 23 августа, день подписания пакта Молотова-Риббентропа, было объявлено днем памяти жертв тоталитарных режимов. Изначальный фокус на двух тоталитарных режимах и совершенных ими геноцидах в соответствующей резолюции Европарламента был, правда, несколько сглажен — во-первых, представители западноевропейских стран настояли на том, чтобы в документе была отмечена уникальность Холокоста, а во-вторых, что очень важно, к преступным были отнесены как тоталитарные (нацизм и коммунизм), так и авторитарные режимы¹⁷. Но тенденция была зафиксирована и уже три месяца спустя получила свое развитие в Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ, в которой авторитарные режимы как предмет осуждения «пропадают», и декларация целиком концентрируется на осуждении тоталитаризма¹⁸. Знак равенства между нацизмом и коммунизмом в этих документах не ставится, однако в политике памяти восточноевропейских

¹⁷ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN>.

¹⁸ <http://hrst-commun.narod.ru/OBSE1.htm>.

стран он подразумевается — тем более что в документах нет и таких формулировок, которые бы исключали подобную трактовку.

В этой новой системе координат Восточная Европа может претендовать на ведущую партию, поскольку она больше знает о «страдании» и «варваре у ворот» и не устает напоминать Западной Европе о том, кто главная жертва и кто кому «должен» в ЕС.

Превосходной иллюстрацией того, как эта установка вполне сознательно продвигается в общественное сознание европейских стран, может служить пиар последних двух книг Тимоти Снайдера: «Кровавые земли» и «Черная земля»¹⁹. Обе книги получили негативную оценку со стороны профессиональных историков, отметивших, что с исследовательской точки зрения в них нет ничего нового, что они полны фактических ошибок и тенденциозных трактовок. Но это ничему не мешает — журналистские оценки оказались прямо противоположными. Профессор истории на наших глазах превратился в гуру — и потерял профессиональную репутацию. Впрочем, это его выбор. Важно, что главный тезис обеих книг Снайдера общий — за все ужасы, которые происходили в Восточной Европе в межвоенный период и в ходе Второй мировой войны, отвечают два тоталитарных режима и более никто. Доказывается этот тезис с помощью многочисленных подтасовок, зачастую сознательных. Так, например, Снайдер утверждает, что Холокост в Восточной Европе везде происходил по одному и тому же сценарию. При этом Снайдер прекрасно знаком с исследованием Джеффри Копштейна, где убедительно продемонстрировано, что это не так²⁰. В своей книге об участии местного населения в уничтожении евреев в 1941—1942 гг., основанной на анализе происходившего в нескольких сотнях городов и поселений, Копштейн показывает, что все места «инициативного» истребления евреев соседями расположены к западу от границы СССР 1939 г. Но ни сами факты, приводимые Копштейном, ни его объяснения Снайдера не интересуют, поскольку противоречат его концепции.

Активное нарастание отмеченной выше тенденции неизбежно порождает вопрос: действительно ли европейская политика памяти, концентрируясь исключительно на теме тоталитаризма, готова принести в жертву главное достижение прежнего периода, а именно мотив общей ответственности? Наблюдая сегодня за разительными различиями в отношении к проблеме беженцев в западной и восточной части ЕС, можно с уверенностью констатировать, что одним из ключевых факторов, формирующих это различие, являются разные культуры памяти. В реакции Восточной Европы на данную проблему отчетливо ощущаются нежелание уступать присвоенную роль главной исторической жертвы (с полагающимися ей дивидендами) и глубоко укорененные экзистенциальные националистические страхи. Между тем в Западной Европе коллективная память об общей ответственности за Холокост заставляет людей смотреть на беженцев иначе. А в Германии многие видят в них даже шанс на своего рода «искупление» прежних грехов.

¹⁹ Snyder 2010, 2015.

²⁰ Kopstein (в печати).

Разумеется, коллективная память затрагивает намного более широкий спектр политических различий востока и запада ЕС. Преставление о демократии как о безусловном доминировании большинства, проявившееся в орбановской Венгрии пять лет назад и в Польше после победы ПиС в 2015 г., во многом уходит корнями в национальные исторические нарративы восточноевропейского образца.

Как получилось, что понятие *Geschichtspolitik*, созданное для осуждения определенных приемов политизации истории, было реанимировано в позитивном значении, в качестве идеологии, утверждающей прославление собственного прошлого как главного способа формирования идентичности и настаивающей на том, что обсуждение грехов своей нации есть пособничество врагу? Как *polityka historyczna* превратилась в Восточной Европе в идеологический стандарт политики памяти?

Манипулятивное использование истории превращается в одну из центральных проблем нашего политического языка. Когда «Северный поток» называют новым пактом Молотова-Риббентропа, а Путина — Гитлером XXI в., это девальвирует нашу память, парализует способность к содержательной политической дискуссии, становясь мощным инструментом пропаганды и индоктринации.

Мы оказались в ситуации, когда при общении историков берут верх не правила академической дискуссии, а логика политических переговоров. Академическая дискуссия строится по законам диалога, то есть предполагает внятное представление своей аргументации и ее фактических оснований, стремление быть понятым. Целью же политических переговоров является достижение выигрышной позиции, реализация собственных политических задач, чему экспликация аргумента только вредит.

10 лет назад, сразу после масштабного расширения ЕС на восток, журнал *Transit* опрашивал интеллектуалов из разных стран, считают ли они, что консенсус относительно прошлого может стать основой консолидации резко увеличившегося Европейского союза²¹. Я тогда был единственным респондентом, выразившим однозначный скептицизм по поводу такого поворота событий. Сегодня уже вполне очевидно, что политика памяти и, шире, культура памяти оказались не клеем, а растворителем, который разъедает единство ЕС.

²¹ См. *Was hält* 2005.

* * *

Я совершенно сознательно не касался в этой статье России и ее политики памяти. Во-первых, Россия — не Европа, прежде всего в том смысле, что никто в нашей стране уже не верит в возможность ее вхождения в обозримом будущем в европейские структуры и не выстраивает политику в надежде такой шанс получить. В этом наше принципиальное отличие от всех тех стран, которые лежат между Россией и ЕС.

Другое важнейшее отличие заключается в том, что Россия не строит свою идентичность на образе нации-жертвы. И это хорошо. Впро-

чем, вместо мотива нации-жертвы в нашем историческом сознании и политике памяти есть мощный мотив осажденной крепости. А это уже не очень хорошо.

Во-вторых, вопрос о том, как эволюция политики памяти в Европе влияет на российские практики, заслуживает отдельного рассмотрения. Конечно, здесь есть что сказать о заимствовании форм, методов, иногда риторических ходов. Многие элементы исторической политики, присущие Восточной Европе, имеются и у нас. В 2014 г. был принят «закон Яровой»²², содержащий в себе все негативные аспекты восточноевропейских законов о памяти. У нас утвердилась характерная для Восточной Европы «секьюритизация» памяти, то есть восприятие дискуссий об истории и коллективной идентичности через призму угрозы национальной безопасности. У нас есть открытое идеологизированное вмешательство власти в преподавание истории. У нас создана целая сеть формально независимых от государства организаций, проводящих в политике памяти линию власти, и т.д.

²² <http://www.rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html>.

Вместе с тем в российских подходах к политике памяти можно найти и немало творческого. Георгиевская ленточка и «Бессмертный полк», наиболее яркие и успешные акции в этой сфере, родились именно как общественные инициативы. К сожалению, на наших глазах происходит их мертвящее огосударствление.

В 2014—2015 гг. возникло несколько общественных объединений (включая Вольное историческое общество) и инициатив, свидетельствующих о способности профессиональных историков к самоорганизации и противостоянию негативным тенденциям исторической политики. Казалось, похороненная в 2014 г. программа коммеморации жертв политических репрессий отчасти реанимирована в 2015 г.

Но в любом случае для анализа всех этих противоречивых тенденций важно понимать, какие процессы в сфере политики памяти происходят в Европе. И не питать иллюзий на этот счет.

Библиография

Астров А. 2012. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. — М.

Бибо И. 2004. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. *О смысле европейского развития и другие работы*. — М.

В'ятрович В. 2006. *Ставлення ООН до євреїв: формування позиції на тлі катастрофи*. — Львів.

В'ятрович В. 2011. *Друга польсько-українська війна: 1942—1947*. — Київ.

Миллер А. 2001. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // *Новое литературное обозрение*. № 52 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>).

Миллер А., Липман М. (ред.) 2012. *Историческая политика в XXI веке*. — М.

Нойманн И. 2003. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. — М.

Финкель Е. 2012. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. — М.

Himka J.-P. 2015. *Legislating Historical Truth: Ukraine's Laws of 9 April 2015* (<http://net.abimperio.net/node/3442>).

Kopstein J.S. *Intimate Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Shadow of the Holocaust* (в печати).

Snyder T. 2010. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. — N.Y.

Snyder T. 2015. *Black Earth: The Holocaust as History and Warning*. — N.Y.

Was hält Europa zusammen? 2005 // *Transit: Europäische Revue*. № 28.

References

Astrov A. 2012. Istoricheskaja politika i «ontologicheskaja ozabochenost'» malykh central'noevropejskikh gosudarstv (na primere Ehstonii) // Miller A., Lipman M. (eds.) *Istoricheskaja politika v XXI veke*. — M.

Bibo I. 2004. O bedstvijakh i ubozhestve malykh vostochnoevropejskikh gosudarstv // Bibo I. *O smysle evropejskogo razvitija i drugie raboty*. — M.

Finkel E. 2012. V poiskakh «poterjannykh genocidov»: istoricheskaja politika i mezhdunarodnaja politika v Vostochnoj Evrope posle 1989 g. // Miller A., Lipman M. (eds.) *Istoricheskaja politika v XXI veke*. — M.

Himka J.-P. 2015. *Legislating Historical Truth: Ukraine's Laws of 9 April 2015* (<http://net.abimperio.net/node/3442>).

Kopstein J.S. *Intimate Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Shadow of the Holocaust* (в печати).

Miller A. 2001. Tema Central'noj Evropy: istorija, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 52 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>).

Miller A., Lipman M. (eds.) 2012. *Istoricheskaja politika v XXI veke*. — M.

Neumann I. 2003. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej*. — M.

Snyder T. 2010. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. — N.Y.

Snyder T. 2015. *Black Earth: The Holocaust as History and Warning*. — N.Y.

V'jatrovich V. 2006. *Stavlennja OUN do evreiv: formuvannja pozicii na tli katastrofi*. — L'viv.

V'jatrovich V. 2011. *Druga pol's'ko-ukraïns'ka vijjna: 1942—1947*. — Kiïv.

Was hält Europa zusammen? 2005 // *Transit: Europäische Revue*. № 28.